

Эндрю Лоуренс-Кинг

САМЫМ ИЗВЕСТНЫМ
АРФИСТОМ В МИРЕ
ВПОЛНЕ МОЖНО
(НАЗВАТЬ АНГЛИЧАНИНА)
С «КОРОЛЕВСКОЙ»
ФАМИЛИЕЙ ЭНДРЮ
ЛОУРЕНСА-КИНГА

ПРИ СЛОВЕ «арфа» воображение современного слушателя нарисует, скорее всего, приятную во всех отношениях даму в концертном платье, сидящую за своим громоздким инструментом в углу сцены (или оркестровой ямы). Ассоциация безусловная — не только потому, что теперешняя арфа с педалями существует не так уж и давно, но и потому, что когда-то игра на арфе считалась вполне мужским делом. И играли на ней не только всякие калики перехожие вроде скандинавских скальдов, но и короли. Например, Генрих VIII: известна миниатюра, где он, еще молодой и еще верный сын Римско-католической церкви, с торжественным видом перебирает струны небольшой арфы.

Эндрю Лоуренс-Кинг играет как раз на всевозможных старинных ар-

фах — средневековых, ренессансных, барочных, — и мало кто владеет всем этим разнообразным инструментарием так, как он. В качестве специалиста по арфам Лоуренс-Кинг играл и записывался со многими «старинщиками» Европы, достаточно вспомнить хотя бы его бесчисленные записи с Жорди Савалем; он же основал в свое время вместе с лютнистом Стивеном Стабсом ансамбль Tragicomedia, а позже создал свой собственный ансамбль — The Harp Consort.

Арфа, конечно, не самый очевидный инструмент для того, чтобы выдвинуться в знаменитые солисты по части старинной музыки, то ли дело скрипка или там клавесин. Сам господин Лоуренс-Кинг намерений таким образом выдвинуться и не имел: в юности, живя на острове Гернси,

хоть и играл на органе в местном соборе, но рассчитывал стать математиком. На математика он учился затем и в Кембридже, и только позже ему почти случайно попала в руки средневековая ирландская арфа, совершенно его зачаровавшая и почудившаяся ему идеальным музыкальным инструментом. Все последующие успехи его самого и его арфового дела — это, в общем, не то чтобы следствие объективной потребности в сильном солисте-арфисте или тем более саморекламы, а просто результат того впечатления, которое производят его игра, его увлеченность, его контакт с инструментом, его способность талантливо импровизировать и чувствовать себя как рыба в воде в любом старом материале, будь то музыка трубадуров или придворные танцы времен Людовика XIV. На самом деле арфа, естественно, появилась в оркестре романтизма не из ниоткуда — у нее была своя традиция, но ее подзабыли. А теперь вспоминают, и не без подачи Эндрю Лоуренса-Кинга. Арфой стали щедро пользоваться в аранжировке continuo, скажем, не только для опер XVII века, но и для восемнадцатого столетия: получается, что так ярче, так колоритнее, то есть для непривычного уха эта музыка будет звучать приветливее и занимательнее. Не говоря уже об экстерьере инструмента — с появлением арфы Эндрю Лоуренса-Кинга на сцене инструментальный ансамбль становится окончательно похожим на группу музицирующих ангелов со старинной фрески.

СЕРГЕЙ ХОДНЕВ